

Содержание

Песнь сирены. <i>Дария Эссес</i>	6
Волчья тень. <i>Анна Щучкина</i>	15
Родник жизни. <i>Саша Гран</i>	31
Кровь ее — бирюза. <i>Рия Альв</i>	42
Тень Рофана. <i>Юлия Макс</i>	71
Сердце набито мягкой травой. <i>Софья Соломонова</i>	84
Весна Кержака. <i>Оксана Токарева</i>	95
Вскрыть прошлое, запереть настоящее. <i>Эдди Кан</i>	108
Либи́до. <i>Елена Михалёва</i>	122
Проклятие смерти и весны. <i>Яна Вуд</i>	138
Разбуди меня, когда закончится весна. <i>Ольга Дехнель</i>	157
Дыхание матери. <i>Анна Щучкина</i>	169
Машина отчаяния. <i>Ирина Итиль</i>	182
В плену у зверей. <i>Виолетта Орлова</i>	189
Перевозчик. <i>Оксана Токарева</i>	202
Во имя весны. <i>Александра Рау</i>	212
Дочь леса. <i>Мария Токарева</i>	226
Владычица Запада. <i>Рия Альв</i>	241
Скала Клины. <i>Евгения Липницкая</i>	268
Короткая рубашка. <i>Оксана Токарева</i>	281
Мой любимый скорпион. <i>Борис Хантаев</i>	291
Эмма. <i>Саша Гран</i>	305
То, что останется. <i>Елена Михалёва</i>	316
Ночь крови и костей. <i>Яна Вуд</i>	328
И вы сторите. <i>Александра Рау</i>	345
Странные истории из комнаты неудачницы. <i>Рия Альв</i>	358
Шесть первых. <i>Юлия Макс</i>	384
Сладкоежка. <i>Ирина Итиль</i>	397
Карамельные пони на карусели безумия. <i>Эдди Кан</i>	405
Предопределение. <i>Евгения Липницкая</i>	419
Поместье черных бабочек. <i>Мария Токарева</i>	432

Слегка зажмурившись, Кайл стоял на палубе, пока свежий морской ветер развеивал его выжженные солнцем волосы, а соленые брызги орошали лицо.

Жизнь вне суши успела оставить на нем как моральный, так и физический след: загорелая кожа, мускулистое тело и взгляд, полный затаившейся тоски. В свои двадцать три года он уже знал, что значит потерять и жить с грузом вины.

Когда его корабль пришвартовывался в очередном порту, а Кайл отдыхал в одном из пабов, девушки не могли отвести от него глаз. Он был поистине красив — в какой-то грубой, дикой манере, что еще сильнее притягивало к нему женское внимание.

Вот только никто не пытался *узнать* его.

Кайл считал океан своей лучшей подружкой, любовницей и даже матерью, но за его пределами он был... одинок. Поэтому отправился в вечное плавание по пенящимся волнам Теневого океана семь лет назад, когда разбойники забрали жизнь его матери — единственного человека, что был для него лучом света.

С тех пор Кайл и океан были неразлучны.

Но порой его одолевала щемящая тоска, прямо как сейчас. Он остался без семьи, дома и любимого человека, продав душу морскому богу. И так будет продолжаться до конца его дней? Пока вода навечно не заберет его в свои глубины?

— Ради чего я все это делаю? — прошептал он, смотря на залитый солнцем горизонт.

Летом прошлого года Кайл вошел в паб под названием «Морская бездна», и разговор с хозяином заведения до сих пор прокручивался в его голове. Это место он старался посещать хотя бы раз в несколько месяцев: запах свежее испеченного хлеба смешивался с ароматом сливочного пива, что навевал на него приятные воспоминания о доме. За деревянной стойкой, до блеска натирая кружки, стоял владелец — крепкий мужчина с седыми волосами и добрыми, но усталыми глазами.

Это место стало его тихой гаванью.

— Кайл! — окликнул его хозяин, подозвав к стойке. — Как поживаешь? Давно мы тебя в наших краях не видели. Надолго ли?

— Привет, Том, — расплылся в улыбке Кайл, усаживаясь на барный стул. Этот мужчина всегда привлекал его своим радушием. — Собирался на восточное побережье, решил ненадолго заглянуть к вам. — Затем, на секунду задумавшись, спросил: — Ты слышал, что в тех краях обитают... сирены?

Томас приподнял бровь, пытаясь понять, не шутит ли его постоялец. Но когда осознал, что тот говорит всерьез, тихо засмеялся себе под нос. Однако Кайл заметил в его глазах некую настороженность.

— Сирены? И ты веришь в эти сказки, парень?

Кайл пожал плечами и взял протянутую кружку пива. Прикрыв глаза, он чуть ли не застонал, когда почувствовал на языке его вкус. Боковым зрением ему удалось заметить пару девушек, уже смотрящих на него с сердечками в глазах.

Но Кайла они не особо интересовали.

ПЕСНЬ СИРЕНЬ

Как и все остальное в этом мире.

— Не знаю, но о них поговаривают моряки, — ответил он, поставив кружку на стол. — Помнишь Сэма? Его корабль затонул в прошлом году. Ходят слухи, в тот день кто-то слышал с берега женское пение. Говорят, сирены затащили команду на дно, а сами затопили корабль.

— Да-да, — весело фыркнул Томас. — Это всего лишь миф, которым вас хотят запугать, Кайл. Как думаешь, откуда слухи-то идут? Никто же не возвращается со дна морского, чтобы рассказывать об этом.

— Но что, если это правда? — пробормотал Кайл. — Я слышал, один моряк встретил сирену и нашел для нее жемчужину, способную вернуть той человеческое обличье. Девушка была готова исполнить любое его желание, поэтому он загадал *ее*. Они поженились и жили в любви многие годы, до самой смерти.

Томас нахмурился.

— Это не больше чем легенда. Ты же знаешь, что желания часто имеют свою цену.

— Знаю.

— А вторую часть легенды слышал?

Кайл отрицательно покачал головой.

— Сирены — это утопленницы, которые мстят за свою смерть. Раньше пираты часто творили с ними бог знает что. Брали на борт красивых девушек, насиловали их, избивали, а после сбрасывали в море, чтобы замести следы. Это не красивая сказка, Кайл. Поэтому отбрось даже мысль о поисках сирены.

Почему же Томас не верил в легенду, но так отчаянно защищал от нее Кайла? Это показалось ему странным, но он лишь кивнул и сделал очередной глоток пива.

Однако мужчина добавил чуть тише:

— Ты мне нравишься, парень. Будь осторожен. Эти создания могут быть не такими безобидными, какими

кажутся на первый взгляд. Я знаю реальную историю, в которой сирена убила моряка, чтобы стать человеком.

Значит, это правда.

— Убила? — переспросил Кайл.

— Они одержимы жаждой свободы. А когда получают шанс стать людьми, то готовы на все, лишь бы добиться своего.

Вертя в руках кружку, Кайл задумался над словами Томаса. Он и раньше слышал об этих мифических существах от матери, но в ее рассказах они всегда были добры к незнакомым людям. Помогали морякам, заблудившимся в бескрайних водах, спасали тех, чьи корабли потерпели крушение.

Кому же верить?

— Береги себя, — попросил спустя пару мгновений хозяин паба. — И помни: некоторые тайны лучше оставить неразгаданными.

Стоя на носу корабля почти год спустя, Кайл тяжело выдохнул и провел ладонью по подбородку. Солнце неторопливо опускалось за линию горизонта, окрашивая небо в яркие оттенки желтого, алого и оранжевого. Корабль плавно рассекал волны и оставлял за собой белую пенную дорожку.

Вот уже год Кайл провел близ восточного побережья, но ничего в его жизни не изменилось. Его окружала лишь вода — и никаких сирен, способных исполнить желание.

Вдруг Кайл нахмурился.

Он сделал пару шагов вперед, прислушиваясь к звуку, который, казалось, исходил из самых глубин океана. Легкий, едва слышный, но такой... притягательный. Он напоминал трель птицы или звон колокольчиков, и только спустя пару мгновений Кайлу удалось различить в нем мелодичный женский голос.

Песня.

Это была песня, полная печали.

Поддавшись порыву, он подошел ближе к краю палубы. Кайл долго вглядывался в темную воду, пока не заметил внизу какое-то движение. Его дыхание перехватило. Океан начал мерцать, искриться, гудеть от неизведанной силы, и вскоре на поверхности показалась... девушка.

Она была прекрасна: длинные иссиня-черные волосы, напоминающие ночное небо, пронзительные голубые глаза и пухлые губы, сложившиеся в приятную улыбку. Кайл замер, не в силах оторвать от нее взгляда. Он никогда не видел никого красивее. Однако важнее было то, что между их сердцами протянулась невидимая нить. Едва осязаемая, но... он чувствовал ее.

— Помоги мне, — произнесла девушка сладким, будто мед, голосом.

Его сердце забилось с удвоенной силой. Кайл никогда до конца не верил в легенды о сиренах, сомневался в словах матери и Томаса, но сейчас, глядя в ее завораживающие глаза, не мог отрицать очевидное.

Это была она.

— Я знаю тебя, Кайл.

Он наклонился к воде, чтобы слышать каждое ее слово.

— Печальный потерянный мальчик, который жаждет вкусить счастье. Ты столько лет провел в одиночестве, но... — Сирена улыбнулась. — Я могу это исправить.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он охрипшим от эмоций голосом.

— Мне нужна твоя помощь. Пожалуйста, помоги мне найти жемчужину, которую я потеряла в глубинах океана. Ты знаешь каждый его затаенный уголок. В ответ я исполню любое твое желание. Одарю тебя богатством. Любовью. Здоровьем.

— Но где мне искать жемчужину, если океан не имеет конца и края? — спросил он, словно в тумане, не в силах отвести взгляда от ее прекрасного лица.

— Я была на западном побережье, когда она пропала, — протянула сирена. — Но будь осторожен, Кайл. Многие пытались найти ее, но обратно никто не возвращался. Найди жемчужину и принеси ее на это же место. Я буду ждать тебя здесь через месяц на рассвете.

Сирена начала исчезать под водой, но он выпалил:

— Как тебя зовут?

Взглянув на него из-под опущенных ресниц, она прошептала:

— Мия. — С этими словами сирена вновь погрузилась в океан, оставив Кайла одного на палубе.

Он смотрел, как ее силуэт исчезает в темноте волн, пока в его сердце разгоралось пламя.

Он понимал: это не просто поиски жемчужины — это возможность изменить собственную судьбу.

Собравшись с мыслями, Кайл взглянул на горизонт, где пылал ярко-алый закат.

— Мы еще встретимся, Мия.

* * *

Кайл тяжело сглотнул. Горло пересохло от волнения, когда его корабль «Ледяное Бедствие» приблизился к месту, где, по слухам, находилась подводная пещера. Он провел недели в поисках информации о ее местонахождении, спрашивая стариков в портах и слушая истории опытных моряков. Чтобы попасть в пещеру, нужно было как минимум не умереть от переохлаждения в водах западного побережья. Потому что она буквально находилась на дне океана.

Когда корабль достиг наконец пепельно-серых скал, Кайл почувствовал, что морской ветер становится холоднее на несколько градусов. Небо заволокли свинцовые облака, а вода вокруг была темной, словно желая утянуть путников в свои глубины.

Вооружившись лишь кинжалом, Кайл сделал глубокий вдох и прыгнул в воду.

ПЕСНЬ СИРЕНЬ

Каждая мышца в теле напряглась от холода, а в ушах тут же зашумело. Однако когда он открыл глаза, любая мысль перестала иметь значение. Взгляду предстало удивительное зрелище — коралловые рифы, искрящиеся под светом пробивающегося солнца, и стаи рыб, сверкающие, как драгоценные камни.

На короткое мгновение Кайла накрыла волна неуверенности. А что, если все происходящее приведет его к чему-то непоправимому? Ведь не просто так Томас предупреждал его не совать нос не в свои дела. Однако Кайду тут же вспомнилась Мия, ее нежный взгляд и улыбка, что снилась ему по ночам.

Волнение отступило, и он продолжил погружаться все ниже и ниже.

Ради нее он был готов на что угодно.

Найдя вход в пещеру, Кайл выплыл на поверхность и глотнул чистого воздуха. Темное пространство заливало едва заметное свечение, и он различил в углу жемчужину — небольшую, но сверкающую, словно утреннее солнце.

На лице Кайла появилась широкая улыбка.

Оглянувшись, он не заметил ничего подозрительного. Никого постороннего в пещере не было. Удивительно, почему Мия сказала, что отсюда никто не выбирался.

Вскоре Кайл двинулся в обратный путь, чувствуя, как сердце наполняется нетерпением. Ему хотелось как можно скорее вернуться к сирене и отдать ей найденную драгоценность.

Он уже знал, что попросит взамен.

Вернувшись на «Ледяное Бедствие», Кайл взял курс на восточные берега. Он понимал: впереди его ждет не только встреча с Мией, но и новая жизнь. Жемчужина в его руках была символом несбыточных мечтаний, и он был готов сделать все, чтобы превратить их в реальность.

Свет луны отражался в тихой водной глади, когда он увидел ее — свою прекрасную Мию. Длинные темные волосы струились по хрупким плечам, словно водопад, а глаза смотрели на него с надеждой и легкой печалью.

— Ты вернулся? — спросила она, будто не веря. — Нашел жемчужину? — Ее голос звучал как самая восхитительная мелодия.

Кайл даже не понял, как наклонился к воде и протянул жемчужину Мие.

— Я бы хотел... — Ему пришлось откашляться, потому что голос задрожал. — Чтобы ты осталась со мной. Вот мое желание. Мне не нужно богатство или что-либо еще. Пожалуйста, верни себе человеческий облик и останься навечно со мной.

— Конечно, — улыбнулась Мия. — Все, что пожелаешь. — Но почему-то она не смотрела в его глаза.

Совершенно не обращая на Кайла внимания, она протянула руку к жемчужине. Их пальцы соприкоснулись, и он отбросил желание потянуться за ней прямо в воду. Мия быстро забрала драгоценность и наконец подняла взгляд, но в ее глазах проскользнула странная эмоция.

— Спасибо тебе, Кайл.

Он не успел понять, что происходит. С неожиданной легкостью сирена схватила его за запястье и потянула за собой. В ее взгляде не было ни злобы, ни ненависти, только холодная решимость. Рывок — и он упал в воду. Легкие вспыхнули от нехватки кислорода, а конечности словно сковали в тиски.

Он не мог двигаться. Не мог дышать.

Кайл почувствовал, как жизнь медленно покидает его тело, пока сирена, с которой он хотел провести оставшуюся жизнь, затягивает новую песнь. Ту, что навечно лишала его сил. Ту, что превращала его в мертвеца.

ПЕСНЬ СИРЕНЬ

Он даже не успел попробовать, каково счастье на вкус.

— Прости меня, — прошептала Мия, когда его глаза закрылись. — Я отомщу за своих сестер и убью каждого виновного. Каждого мужчину, что странствует по этим водам и несет за собой страх для невинных девушек и женщин.

Сирена — теперь уже человек — стояла на берегу, ощущая, как ветер ласково касается ее кожи.

Она вздохнула полной грудью, наслаждаясь свободой.

И двинулась в порт, мечтая утолить жажду мести.

Волчья тень

Анна Щучкина

Дом Элайзы Мэдоуз стоял на самом краю Блэкуотер Крик, там, где унылые, понурые поля поселенцев уступали темной стене леса. Здесь воздух пах иначе — не пылью и страхом, а влажным дерном, прелой листвой и травами, которые густо росли в небольшом, огороженном плетнем саду. Казалось, сама земля благоволила к Элайзе: пока посевы местных чахли под безжалостным солнцем, ее овощи наливались соком, целебные травы тянулись к небу пышными, здоровыми стеблями, а деревья цвели, как она сама — женщина с приятным округлым лицом, едва тронутым первыми морщинами.

Элайза как раз возвращалась из леса, ее корзина была полна кореньев и мха. Женщина шла быстро, низко опустив голову, чтобы не привлекать внимания тех немногих, кто мог оказаться на этой пыльной тропе. Но она чувствовала колючие, подозрительные взгляды из-за прикрытых ставней, слышала шепот, замолкший при ее приближении.

Последние месяцы выдались тяжелыми. Небывалая засуха истощила ручей, давший название поселению, до тонкой грязной струйки. Мор напал на скот — коро-

вы ложились и больше не вставали, их глаза мутнели от неизвестной хвори. Преподобный Крофт говорил о гневе Божьем, о грехах, но все чаще взгляды обращались к Элайзе, одинокой молодой женщине, знающей лес как свои пять пальцев, обладающей даром исцеления и, как теперь шептались, способностью проклинать.

Она знала об этих слухах. Чувствовала, как кольцо неприязни сжимается вокруг ее маленького дома. В уединении есть сила, но есть и уязвимость. Под внешней сдержанностью Элайзы скрывался страх — не перед лесом, который она понимала и любила, а перед слепой яростью людей, ищущих козла отпущения.

Заслышав голоса идущих навстречу соседей, Элайза покрепче сжала ручку корзины и ускорила шаг.

* * *

Прибытие магистрата Сайласа Торна в Блэкуотер Крик нарушило гнетущую рутину поселения. Он приехал на вороном коне, прямой, как стальной стержень, в простом темном камзоле. Лицо магистрата было непроницаемо, а глаза — серые, как зимнее небо, — цепко оглядывали убогие дома и съездившихся под строгим взглядом поселенцев. От Сайласа Торна веяло холодом власти и непреклонного Закона, столь чужеродного этому месту, погрязшему в суевериях и страхе. Миссия магистрата была известна всем еще до того, как он спешился у дома старейшины: расследовать козни дьявола, свившие гнездо в их богобоязненной общине.

На следующий день, когда солнце стояло высоко, хотя почти не грело промозглый воздух, Сайлас Торн появился у калитки Элайзы. Он не стал посылать констебля, пришел сам. Элайза как раз перебирала сухие пучки пижмы у порога.

— Элайза Мэдоуз? — бесстрастно спросил магистрат.

Она медленно выпрямилась, отряхивая пыль с фартука. Встретила его тяжелый взгляд.

— Магистрат Торн, — так же спокойно произнесла Элайза — без заискивания, без страха, лишь констатируя факт. — Вы нашли меня.

Он шагнул ближе, его тень упала на ее травы.

— Моя работа — находить то, что скрыто, мистрис Мэдоуз. И в этом поселении, полном слухов, ваше имя звучит чаще других. — Он обвел взглядом ее ухоженный сад, резко контрастирующий с вытоптанной землей во-круг. — Говорят, у вас особый дар возвращать жизнь... или отнимать ее.

Элайза чуть склонила голову набок.

— Люди говорят многое, когда боятся, магистрат. Страх — плохой советчик и еще худший свидетель. Я лишь разбираюсь в травах и слушаю землю. В этом нет колдовства, только терпение и уважение.

— Уважение? — Сайлас слегка прищурился, изучая ее лицо. — Закон требует уважения. Порядок требует уважения. А то, что происходит в Блэкуотер Крик, — болезни, неурожай, страх — это нарушение порядка. И мой долг — найти причину.

— Вы полагаете, причина стоит перед вами, в простом фартуке, с пучком сухой травы в руках? — Ее полные губы тронула легкая улыбка. — Ищите, магистрат. Но ищите правду, а не ведьму, которую вам так жаждут подсунуть.

Он молча посмотрел на Элайзу все тем же строгим взглядом. Было в ней что-то... странное. Не покорность запуганной овцы, не злоба затравленного зверя. Спокойная сила, глубоко укорененная, как старое дерево. Это вызывало у Сайласа неприятие, смешанное с невольным интересом.

— Правда — это то, что будет установлено судом, мистрис Мэдоуз, — отрезал он наконец. — А пока будьте готовы отвечать на мои вопросы. — С этими словами он развернулся и зашагал прочь от дома Элайзы, тут же почувствовавшей холодок в пальцах.

Она отложила травы и сделала глубокий вдох.

* * *

Хрупкое равновесие Блэкуотер Крик рухнуло через два дня. Утром по поселению пронесся вопль — пронзительный, полный ужаса вопль Гуди Харлоу. Ее маленькая дочь, Марта, билась в лихорадке: тело девочки сводили судороги, а на коже проступили темные пятна. К полудню перед домом старейшины, где временно расположился магистрат Торн, собралась взбудораженная толпа. В центре стояла растрепанная и заплаканная Гуди Харлоу, а рядом с ней, суровый и прямой, возвышался преподаватель Крофт.

Когда из толпы вытолкнули Элайзу, бледную, но с высоко поднятой головой, Гуди Харлоу бросилась к ней, тыча дрожащим пальцем.

— Она! Это она сделала! Ведьма! — закричала женщина. Ее голос срывался от рыданий. — Вчера! Она дала Марте отвар от кашля! Сказала, лесной бальзам! А ночью Марта стала гореть огнем! Глаза закатились! Это был яд! Она прокляла моего ребенка!

Преподобный Крофт положил руку на плечо отчаявшейся женщины, обращаясь к толпе и к Сайласу Торну, вышедшему на крыльцо.

— Братья и сестры! Магистрат! Вы видите? Дьявол не дремлет! Он протягивает свои когтистые лапы к нашим детям через тех, кто отвернулся от света Господня! Эта женщина... ее травы... это не Божье благословение, а сатанинское зелье! Сколько еще знамений нам нужно? Засохший ручей! Больной скот! А теперь — дитя на пороге смерти! Это колдовство, явное и неоспоримое!

Толпа загудела испуганно и злобно.

— Ведьма! На костер!

Элайза шагнула вперед, и вдруг повисло напряженное молчание.

Она заговорила тихо, но отчетливо:

— Гуди Харлоу, я дала Марте отвар мать-и-мачехи с медом. Это верное средство от кашля, оно не могло при-

чинить вреда. Болезнь пришла сама, не от моих рук. — Она повернулась к магистрату. — Сайлас Торн, вы и сами видите, что эти люди во власти страха и горя. Они ищут виновного, но я ни в чем не виновата.

Толпа вновь зароптала. Сайлас смотрел на Элайзу, затем — на обезумевшую от горя мать, на проповедника с фанатично горящим взглядом, на готовых к расправе поселенцев. Лицо магистрата оставалось непроницаемой маской, но в серых глазах мелькнуло сомнение. Он видел истерию, видел поиск легкого выхода из сложной ситуации. Но он также видел ребенка, лежащего при смерти. И не имел права бездействовать.

— Тишина! — рявкнул Сайлас. — Закон не вершится криками на площади! Гуди Харлоу, ваши показания будут записаны. Преподобный, ваши опасения приняты к сведению. Элайза Мэдоуз... — В голосе магистрата зазвенел металл. — В свете тяжести обвинений и для предотвращения самосуда я вынужден взять вас под стражу до завершения расследования. Констебль Хиггинс, проводите мистрис Мэдоуз в сторожку. Обеспечьте охрану. Никто не должен приближаться к ней без моего прямого приказа.

Элайза не сопротивлялась — она лишь бросила на Сайласа тяжелый взгляд. Констебль повел ее, не склонившую головы, сквозь расступившуюся толпу. Истерия в Блэкуотер Крик подошла к точке кипения, и магистрат Торн только что взял ситуацию под контроль... или начал терять его, сам того не подозревая.

* * *

Дни тянулись медленно, наполненные страхом и ожиданием. Сайлас Торн методично вел расследование, вызывая свидетелей в дом старейшины — единственное место в Блэкуотер Крик, где еще сохранялось подобие порядка. Но каждый допрос лишь глубже погружал магистрата